

Алексей Дементьев

РЕАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ СНЫ

Алексей Дементьев

РЕАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ СНЫ

«Автор»

2026

Дементьев А.

РЕАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ СНЫ / А. Дементьев — «Автор», 2026

Мы открываем глаза и видим реальность, мы закрываем глаза и видим сны. Но порой наши сны перекрывают нашу реальность, а сон становится реальностью. И тогда начинается такая путаница, что перестаем понимать, где и что есть. Мы путеводители по миру живому и миру снов. А сны нам подсказывают, как себя вести. Но главное правило - Никому никогда не рассказывай о снах, если не хочешь повторить судьбу Николая.

© Дементьев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Дементьев

РЕАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ СНЫ

Глава

РЕАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ СНЫ

Глава I

Молодой человек по имени Николай, для близких просто Коля, а для одноклассников — Коляныч, вышел из дверей главного корпуса престижного московского университета с синей папкой под мышкой. Ну как папкой? Папочкой. Диплом. Тот самый, ради которого он пять лет терпел лекции, писал курсовые и зубрил ночами, хотя на самом деле большую часть времени пролетал на парах, играя в телефоне в стратегии, такие как Собери свою летопись: Князь Владимир — Президент Владимир; ОПГ: Битва за район. Теперь он официально бакалавр менеджмента — звучит солидно, но на деле из него вышел бы такой же менеджер, как из соседского енота. Впрочем, маме с папой было всё равно: они уже нарезали круги по квартире от гордости.

На улице его поджидали одноклассники — человек шесть, уже слегка возбуждённых предвкушением праздника. Они махали ему с крыльца:

— Колян, давай с нами! Сегодня жжём! Первый раунд за наш счёт!

Николай улыбнулся, покачал головой. Он знал, что там будет: шумный бар, дешёвое пиво, песни под караоке и утро с похмельем, которое он совершенно не хотел. Ему всегда было непонятно это веселье — разве что-то приятное в том, чтобы залить в себя жидкость, которая разрушает мозг, а потом смотреть на мир сквозь мутное стекло? Гораздо больше удовольствия он получал, когда садился за компьютер и нырял в знакомые игровые миры, где всё подчинялось цифровой логике, задуманной командой программистов и дизайнеров, а не капризам алкоголя.

— Да ну вас, пацаны, — махнул он рукой. — Я домой. Меня родители заждались.

— Ну, как хочешь, Коляныч! Мы тебя не держим! — крикнул кто-то вдогонку, и они гурьбой двинулись к метро, уже обсуждая, кто быстрее всех напьётся.

Николай остался один. Он побрёл по улице, но ноги, словно вспомнив, сколько он сегодня намарафонила по университетским коридорам, запросили передышки. Он присел на первую попавшуюся лавочку возле детской площадки. Рядом верещали воробьи, где-то заливисто кричали пацаны, гоня мяч, а в воздухе стоял тот самый июньский запах — смесь пыли, зелени и разогретого асфальта.

Коля откинул голову назад, прикрыл глаза. Солнце пробивалось сквозь листву тополей, пятнами ложилось на веки. И тут, как это часто бывает, когда мозг наконец-то расслабляется, на него нахлынуло воспоминание. Картинка из первого курса — чёткая, почти осязаемая: душная комната в общежитии, пластиковый стол, заляпанный пивом, изрисованный граффити и насрабышами популярных молодежных музыкальных команд, его одноклассники, которые уже на втором круге, и пластиковый стаканчик, который ему протягивают с ухмылкой.

...Тогда он ещё не знал, что такое «палить базу» или «кринжевать», но уже догадывался, что происходит — полный треш. Кто-то притащил дешёвый портвейн, кажется, назывался «Три семёрки», и налил ему почти полный стакан. Коля, дурак, хотел казаться взрослым, залпом опрокинул в себя эту бурду. На вкус это было как жидкий яд с привкусом какой-то химии. Секунд через пятнадцать мир поплыл. В голове возникло странное ощущение — будто его кто-то раскручивает на карусели, а он пытается ухватиться за воздух. Раскручивает так сильно, что

эти карусели не остановить, словно весь мир вращается в глазах. Это как перед смертью, перед глазами пробегают вся жизнь. На минуту и в Колиной голове зародилась такая мысль.

Тем временем соседи по комнате, ржали, конечно, они находили это забавным и смешным, хотя и сами были не лучше. Он помнил, как вскочил, пробежал мимо кроватей, налетел на открытую дверь туалета, и его вывернуло прямо в раковину. Помойка, конечно. Потом ещё раз. И ещё.

Очнулся он уже на лавочке возле общаги, с мокрой майкой и чувством, что его переехал грузовик. А утром кто-то из пацанов снял его телефоном и выложил в общий чат с подписью «Синьор Помидор» — потому что лицо у него было красное, как переспелый помидор, и он что-то бормотал на итальянский манер, пытаясь извиниться перед унитазом. Это прозвище прилепилось к нему на полгода. Он ненавидел его. Но именно в тот вечер он понял: алкоголь — это не его инструмент. Есть вещи поинтереснее.

Прекрасно было одно, что в то время еще смартфонов не было массово, а уж об Айфоне приходилось только мечтать. А качество видео сто шестьдесят пикселей на телефон не позволяло даже понять, кто там в этом видео. А с другой стороны можно было кого угодно называть, кто хотя бы немного имел общих признаков с Колямбой.

Отец, когда Коля через пару недель, уже успокоившись, рассказал ему эту историю за ужином, долго смеялся. А потом пересказал её по-своему, на семейном совете, когда приехали бабушка с дедушкой. И у него это звучало примерно так:

«— Сынок, — начал батя, старательно копируя Колины словечки, но с таким видом, будто цитирует древнюю летопись. — Он там со своими пацанами решил «залететь» по-крупному. Ну, «плюхнули» они какой-то «пойло», и наш Коля, говорит, сразу «вырубился» с базы. По его словам, он не понял, «в каком хайпе» сидит, просто «потерял скилл» ориентироваться в пространстве. А когда его вывернуло, он сказал что-то типа «амиго, я пас». Ну и снизу ему приклеили «Синьор». Я так понял, это у них модно — называть друг друга европейскими именами. Не знаю, я в этих ваших интернетах не сижу. Но мне понравилось: звучит как итальянский граф. Синьор Помидор! — батя хлопнул ладонью по столу. — Коленька, ты у нас теперь аристократ».

Коля тогда покраснел снова, но уже от смеха. Потому что папа, при всём своём бумерском воспитании, умудрялся пересказывать зумерские байки так, что они звучали как анекдоты из «Клуба весёлых и находчивых». И в этом было что-то тёплое. Родное. Прямо как будто включили советский телевизор, возможно Темп 714, возможно Рекорд В-312 (ха, кто-то сразу вспомнить популярный коктейль), а может даже Юность-403 и оттуда голос Масялкового «Добрый вечер, ребятки с Вами Клуб веселых и находчивых».

Он открыл глаза, моргнул. Воробьи всё так же верещали, а солнце уже начало клониться к закату. Воспоминание немного согрело его изнутри, но отдохнуть всё-таки стоило. Он поднялся, стряхнул с джинсов невидимую пыль, и зашагал дальше.

В переходе у метро он притормозил у ларька с лотереями. На глаза попался билет «Спортлото» за сто рублей — яркая бумажка с золотым тиснением. Он купил его почти автоматически, просто так, ради шутки. Подумал: «А что, если?..» Мысль о выигрыше была приятной, но несерьёзной. Он сунул билет в карман джинсов и поспешил дальше.

Родной район встретил его привычным пейзажем. Серые хрущёвки с наспех покрашенными фасадами, где на балконах сушилось бельё и стояли пластиковые бутылки с рассадой. Местами эти старушки соседствовали с монументальными сталинками — те выглядели как бывшие аристократки среди пролетарской массы: высокие потолки, лепнина на фронтонах, широкие парадные с мраморными лестницами. Но рядом, словно подростки, вымахавшие за одно лето, вздымались новые высотки — двадцать, тридцать этажей, стекло и бетон, металлические козырьки, под которыми прятались велосипеды и детские коляски. Они смотрели на старый квартал сверху вниз, и казалось, что вот-вот сожрут его целиком.

Николай любил это смешение — оно напоминало ему город из компьютерной игры, где рядом могли стоять трущобы и небоскрёбы. Ветер доносил запах жареных пирожков из ларька, мокрой листвы и выхлопных газов. Где-то играла музыка, какая-то блатная, из открытого окна на первом этаже. Бабушки на лавочке оживлённо обсуждали нового участкового, мальчишку молодого, немного смазливового. «Такому в кино про любовь сниматься. Ну помнишь, как на Домашнем показывают?» - говорила одна. — Эх да, Семеновна, за мной такой красавчик с мореходки ухаживал. А я думаю «А накой мне его ждать, да и поди в каждом порту по бабе у него». А мой то Прокопыч ни рожи, ни кожи, зато любить умеет всей душой. Я за ним как за каменной стеной.

- Ты представляешь Семёновна, - продолжила друга, - у него такая улыбка, как у Юрия Гагарина. Я ему значит рассказываю, как мальчишки опять разрисовали своими граффити все стены. А он смотрит так мило, улыбается. Ох прям бы мне элексир молодости, я бы с ним по паркам, по аллеям и в космос.

- Ну ты Петровна даешь, ты прям как молодуха. Вон Машка со второго подъезда. «Помнишь такую?» —спросила другая.

- Эта так, что каждый день с новым парнем?

- Да, нет она девочка скромная. Она и никогда и не с кем. А тут с участковым под ручку идут. Он еще без формы был, такой молодой Юрий Алексеевич.

- Да, ты сейчас опять будешь говорить, что я фантазерка, мечтательница.

- Да, ну тебя Петровна.

Жизнь текла, как всегда.

Он влетел в подъезд. В нем был стойкий запах кошачьей мочи и сырости. На лестнице сидела соседская кошка, которая всегда смотрела на Колю с выражением вселенского презрения. Он пнул её легонько (без злобы), та фыркнула и скрылась. Третий этаж. Дверь была открыта, и изнутри доносился знакомый запах — мамин борщ с укропом и салом, и пампушками, ещё пахло чистящим средством, которым она протирала полы в прихожей.

Мама встретила его сразу:

— Ой, Коленька! Ну показывай! — она вытирала руки о фартук, глаза сияли. — Папа уже пришёл, ждём.

Он протянул картонную книжечку, та развернула, прочитала — и засветилась, словно сама стала дипломом. Отец вышел из комнаты, поправил очки, важно взял документ в руки, прокашлялся:

— Молодец, сын. «Теперь можно и на работу устраиваться», —сказал он так, будто это был финал всех финалов.

Николай кивнул, но его мысли уже были далеко. Он увидел на столе тарелку с супом, дымящуюся, и вдруг понял, что не голоден. Вообще. Наверное, от волнения или просто потому, что внутри горело предвкушение другой, более важной встречи — с его компьютером.

— Я потом поем, мам, — бросил он и прошёл к себе, оставив родителей перешёптываться на кухне.

Его комната была его крепостью. Стены увешаны постерами из игр — темно-синий «Киберпанк», яркий «ГТА» с пальмами, парочка кадров из «Ведьмака». На подоконнике тесно стояли фигурки персонажей, купленные когда-то на алиэкспрессе. Стол — большой, старый, ещё из тех времён, когда компьютеры были бежевыми кубами, но сейчас на нём располагался монитор на подставке из трёх учебников, системник с прозрачной стенкой и подсветкой (которую Коля настроил так, чтобы она пульсировала в такт музыке), и механическая клавиатура с громкими кликающими клавишами — он любил этот звук, он напоминал ему о том, что здесь он хозяин. Рядом валялись пустые стаканчики из-под кофе. Стаканчики были артовыми, в стиле фонов и персонажей популярных игр, фильмов и просто красивых девушек. Все-таки

Коле было уже за двадцать и смотреть на девушек разрешалось законом Российской Федерации. Несколько ручек без колпачков и стопка старых дисков с играми.

Николай швырнул диплом на этот стол, даже не раскрыв его — внутри, между страницами, лежал лотерейный билет, но он уже забыл о нём. Он плюхнулся в своё скрипучее кресло (которое при каждом движении издавало жалобный звук, словно уставший пёс), и нажал на кнопку питания.

Системник загудел, монитор засветился. Загрузка — долгая, с фирменными звуками Окошек. Он надел наушники, большие, с облезлым кожзамом и изолейкой на дужке — старые верные друзья. И сразу мир затих. Голос мамы, зовущей есть, отдался глухим эхом, растворился в шуме вентиляторов.

— Не слышу, — пробормотал он и ухмыльнулся.

Запуск GTA V. Знакомый заставка, музыка. Он выбрал персонажа — Тревора, безумного канадского психопата, которого обожал за его выходки. Уселся поудобнее, взял мышку. В игре загорелась улица Лос-Сантоса — пальмы, неон, прохожие.

— О, я Тревор! — крикнул Коля громко, хотя никто не слышал.

Он быстро угнал тачку, похожую на дорогую немецкую модель, вдавил газ. Полицейские сирены завывали за спиной, но Коля знал, где можно спрятаться, — он выучил все переулочки. Машина виляла между рядами, врезалась в мусорные баки, но он не обращал внимания. Реальность исчезала, оставались только скорость и адреналин.

Тем временем за окном темнело. Зажглись фонари, двор заполнился оранжевым светом. Где-то лаяла собака, и слышно было, как мама моет посуду на кухне. Но Николай ничего этого не замечал. Он гнал по виртуальному шоссе, оставляя позади полицейские блокпосты.

И вдруг, когда он уже готовился к очередному крутому повороту, его веки стали неподъёмными. Тело налилось тяжестью. Он пытался бороться со сном — встряхнулся, моргнул, но организм взял своё. Последние две ночи он почти не спал, дописывая дипломную главу, и теперь расплачивался за это.

Голова опустилась на руки, сложенные на клавиатуре. Глаза закрылись. И в этом полусне-полуяви перед ним промелькнула дурацкая фраза, которую он слышал когда-то в детском мультфильме: «Значит, спать пора давно». Словно древний диктор включил свою запись. Коля усмехнулся во сне и провалился в вязкую темноту.

Он не слышал, как тихо вошла мама. Она остановилась, посмотрела на спящего сына, покачала головой. Потом вздохнула, взяла с вешалки старый клетчатый плед и накинула ему на плечи. Наушники она аккуратно сняла, чтобы звуки игры не мешали отдыхать. Прикрыла дверь, оставив только тусклый свет из коридора.

А Коля во сне продолжал лететь по бесконечной дороге. Теперь уже без виртуальных правил, без полиции — только пустой город и он, король своих фантазий. В этом мире не было никаких собеседований, ипотек и взрослой жизни, которую завтра ему предстояло начать. Только свобода, только бесконечный респаун и чувство, что он может всё.

Но на столе, в нераскрытой папке с дипломом, лежал тот самый лотерейный билет. Цифры на нём, невидимые сейчас, замерли в ожидании тиража. И неизвестно, что готовила ему судьба — выигрыш, о котором он даже не мечтал, или очередной урок, который он потом со смехом перескажет в компании таких же уставших, но живых ребят.

Глава II

Николаю снился университет.

Он сидел на третьем ряду в старой поточной аудитории — той самой, где пахло мелом, сырым деревом парт и чужим потом, который въелся в обивку кресел за десятилетия. Свет просачивался сквозь высокие, грязноватые окна, рисуя на полу бледные прямоугольники. Доска была исписана формулами до половины, а на кафедре стоял графин с мутной водой и пустой

стакан. Преподаватель — пожилой мужчина в коричневом пиджаке с замшевыми локтями — медленно листал зачётку, шевеля губами.

— Николай Петров? — спросил он, поднимая глаза на Коляныча.

Тот встал, поправил куртку, чувствуя, как внутри всё сжалось от знакомого предэкзаменационного холода. Но он знал материал. По крайней мере, основные вопросы выучил, а остальное можно было додумать логикой. Он уже открыл рот, чтобы начать отвечать, как преподаватель перебил:

— Нет, не вы. Вы — Иванов? — он снова заглянул в список. — Петров у меня — двоечник, дважды пересдавал. А вы — Иванов? Или как вас?

Коля замер. В группе действительно оказалось два Николая Петрова, и второй, тёзка, был известным лодырем. Преподаватель, видимо, перепутал их в ведомости.

— Я Иванов, — сказал Коля, чувствуя, как горло пересохло. — Николай Иванов.

Он соврал, но не ради оценки. Ему просто хотелось, чтобы его воспринимали как того, кто учится, а не как того, кто прогуливает. Преподаватель хмыкнул и задал вопрос, самый сложный, из раздела макроэкономики. И тут Коля удивил даже себя — начал отвечать чётко, с цифрами, с примерами. Он не просто зазубрил, он понял. И когда экзаменатор одобрительно кивнул, в груди разлилась тёплая волна — та самая, которую он так редко чувствовал в реальной жизни.

— Хорошо, Иванов, — сказал старик. — Ставлю «четыре». Но в следующий раз не путайтесь с Петровым.

Коля улыбнулся во сне, но сон не остановился. Экзамен как-то плавно перетёк в другую — тот самый, где преподаватель раздал листы с заданием: «Придумайте бизнес-модель, которая решает социальную проблему». Коля, который всегда любил играть в экономические стратегии и строить виртуальные империи, быстро набросал схему. Его идея была проста и даже дерзка: создать платформу, которая помогала бы бедным студентам-отличникам получать гранты, а двоечникам — находить доступных репетиторов, но, чтобы последним это не било по кошельку. Он назвал это «Равный старт». В основе лежала система краудфандинга — люди жертвуют на образование талантливых ребят, а взамен получают доступ к их будущим проектам или небольшую долю.

И тут, словно кто-то щёлкнул переключателем, преподаватель вдруг превратился в телеведущего из новостей, который тараторил: «Известный предприниматель Денис Соболев, создатель платформы «Право голоса», защищающей авторские контенты от недобросовестных заимствований, вошёл в рейтинг Forbes. Его модель — справедливое распределение дохода между создателями и платформой — признана одной из лучших в Европе». Коля замер. Его идея, хоть и касалась образования, была построена на том же принципе — честное посредничество без поборов. Он тогда, в той аудитории, даже подумал: «А ведь я мог бы придумать не хуже». Но почему-то тогда никому не сказал. Зажал. Показалось, что это слишком глупо для оценки.

Сон начал рассыпаться, как старая фотография, под давлением времени и солнечных лучей. Аудитория растворилась в белом шуме, голоса затихли, и осталась только пустота. Та самая чёрная дыра, которую Коля видел в фильмах, когда герой умирает, и за экраном ничего. Он проснулся от собственного внутреннего толчка — резко вдохнул, открыл глаза, и комнату залил серый утренний свет.

Компьютер уже остыл, монитор погас, только вентиляторы системника тихо урчали в режиме ожидания. Наушники валялись на столе, и один амбушюр отвалился окончательно, лежал рядом, как оторванное ухо плюшевого мишки. Коля моргнул, провёл ладонью по лицу — она была влажной и горячей. Он чувствовал себя разбитым, словно вместо сна его всю ночь возили по булыжной мостовой.

Глаза скользнули по комнате. Утро врывалось сквозь занавески — неплотные, с выцветшим узором, — и освещало постеры на стенах. Джессика Альба в образе Сью Шторм смотрела на него с плаката, который он купил на распродаже ещё в школе. Её взгляд был таким же пустым, как и его мысли. Он перевёл глаза на стол: дипломная папка лежала раскрытой на первой странице, лотерейный билет так и торчал между листами — жёлтый уголок выглядывал наружу. Коля равнодушно перевернул его на другую сторону и снова уставился в потолок, где трещина изгибалась, как молния.

В голове вертелась одна и та же мысль: «А что дальше?» Он никогда в жизни не работал. Даже не подрабатывал. Все его потребности — интернет, компьютер, еда — закрывались родителями. Мама покупала продукты, папа платил за квартиру, а Коля только играл, учился (кое-как) и изредка помогал донести сумки из магазина. Потребности у него были спартанскими: быстрый интернет, мощный «системник», пара помидоров на завтрак, пакетик доширака на ужин. Спал он часто за столом, ел на бегу, и за несколько лет такой жизни желудок начал напоминать о себе тупыми болями, а кожа — покрываться некрасивыми прыщами.

Мать каждый день пыталась его перевоспитать. Но он отмахивался, как от надоедливой мухи:

— Мать, я взрослый, мне уже двадцать три года — бросал он, даже не оборачиваясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.